

Дмитрий Цыбулин

ПОКАЯНИЕ

Дмитрий Цыбулин

Покаяние

«Издательские решения»

Цыбулин Д. Ю.

Покаяние / Д. Ю. Цыбулин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905355-8

Душа поэта не находит покоя в поисках Истины. Существуют ответы без вопросов, которые невозможно высказать обычными словами. И тогда на помощь приходит вдохновение. Но и капризная Муза иногда добавляет масла в огонь, пытаясь обвинить своего поклонника во всех смертных грехах.

ISBN 978-5-44-905355-8

© Цыбулин Д. Ю.
© Издательские решения

Содержание

«А город в пуху тополином...»	6
ПОСЛЕДНИЙ СОН ПОЭТА	7
«Лениво желтеет листва за окошком...»	8
«Новым днём небеса открывались...»	9
ВЬЮГА	10
РОМАНС	11
«В полусне, в полупьяном сюжете...»	12
ПАДШИЙ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Покаяние

Дмитрий Юрьевич Цыбулин

© Дмитрий Юрьевич Цыбулин, 2018

ISBN 978-5-4490-5355-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«А город в пуху тополином...»

А город в пуху тополином.
Так было и в прошлом году.
И так же в окне не любимом
Я видел слепую мечту.
И так же я ждал одиноко,
Хотел перемен и любви.
Но всё это стало далёким
И издали шепчет: «Живи...»
Я жил и не жил... доживаю.
Что в новом, – такое же окно.
И нету конца и ни краю
Тоске и мечтам. И вино
Я пить буду так же и, то же,
И смысла опять не найду...
Спаси меня, Господи Боже,
Хотя бы в грядущем году!

ПОСЛЕДНИЙ СОН ПОЭТА

Ночь-полночь. Закрыты двери.
Сказка злая спать легла.
За окном поют метели.
Смерть глядит из-за угла.

Всё так просто, не весомо.
Память чья-то – всё забыть.
Мы с Тобой давно знакомы:
Ты и я – седая нить.

Мы, однажды, не вернёмся,
Не проснёмся в час утра.
Ты с пути весной собьёшься,
Я уйду в осенний мрак.

Так и будет ночь тянуться,
Закрывая сном глаза.
Так и годы пронесутся,
И с морщин спадёт слеза.

И в колодец месяц спрячет
Свой наряд тоскливых дум.
И остынет чай горячий
В том кафе, что на углу.

Лица, очи, руки, раны...
Сердце бьёт в последний раз.
Скроют рваные туманы
Незаконченный рассказ.

Небо видит, небо знает:
Всё свершится, как во сне.
Смерть пока ещё играет
На подпиленной струне.

Что же, Муза, не проснёмся?
Вместе мы не можем жить.
Значит, завтра не вернёмся:
Ты и я – седая нить.

«Лениво желтеет листва за окошком...»

Лениво желтеет листва за окошком,
Студёные ветры ночами не спят.
У чашки мяукнет ленивая кошка,
К весне принесёт в одеяло котят.

Так осень печальный мотив напевает,
И дни без причин и следствий пройдут.
Вороны откуда-то к нам прилетают,
И гнёзда к зиме на деревьях совяют.

И тянется длинная нудная нота,
Тоскою вплетая закатный огонь.
А завтра опять я пойду на работу,
В привычку вводя повседневную вонь.

А завтра похмелье и смех неуместный,
И чувство утраты секунд дорогих.
Так жизнь пролетит незаметно и пресно:
Я буду своим среди стаи чужих.

Работа и дом, перо и страница,
И в зеркале утром не бритый подлец.
Так жизнь, не спеша, продолжает кружиться,
Не помня начала, не зная конец.

«Новым днём небеса открывались...»

Новым днём небеса открывались:
Серый мир, мутный взор, тошнота.
Вот и кончилось всё, что осталось.
Бродит пыль по пустым городам.

Нет возврата в былые системы,
Нет исхода с трагических дат.
Исчерпал все военные темы,
Не дававший присягу, солдат.

Знало сердце томленья и муки,
Помнил разум мечты и печаль.
С бодуна вспоминаю разлуки,
Напиваюсь с сознанием, что жаль:

Жаль, что всё безвозвратно исчезло;
Жаль, что всё это выпало мне.
Вновь сажусь я в холодное кресло,
Вновь курю и топлюся в вине.

И зима, что меня не любила,
Скоро снова подаст на развод.
В новом дне есть бессилье и сила,
В новой ночи – зашифрованный код.

Нет исхода, – уж сказано кем-то;
Нет возврата, – уж кто-то сказал.
Догорит и умрёт сигарета,
Опустеет налитый бокал.

ВЬЮГА

Нет весёлых песен
В моём словаре,
Не гуляет ветер
В моей голове.
Говорить и плакать,
Жить, умирать?
Броситься бы в драку,
Да бить – не гадать.
Было раньше лето,
Да, было, выпало.
Нет опять ответа.
Дороги замело.
И стоит не весел
Мёртвый старый клён.
Нет весёлых песен,
И в горле комом стон.
Эх, судьба-подруга,
Куда ж ты завела?
Нам бродить по кругу,
Да не для нас дома.
Нет обратно ходу —
Дороги замело.
Камнем брошусь в воду,
Да речка, как стекло.
Эх, было раньше лето,
Да осень, да зима.
Но наша песня спета.
Знаешь всё сама.

На лесной поляне
Вьюгой заметён.
Жизнь, как поле брани,
Смерть – всего лишь сон.

РОМАНС

И мой удел – за кухонным столом
В полночь посиделки с тишиною;
И стих пером, что было под крылом
У лебедя, что был когда-то мною.

Не улетел я в тёплые края:
Зимую здесь, весну встречаю скупю.
Прошли года, прошла и жизнь моя
На кухне с тишиною... Ну и глупо!

Иду бесцельно, ощущая цель;
Иду, шатаюсь, ни чего не видя.
В двенадцать лет я прочно сел на мель,
Когда коснулся поэтической нити;

Когда наивно верил в приведенье
Своей судьбы, размытой, словно сон;
Когда не знал, что будут сожаленья:
Стихи в костёр и на ладонь патрон.

Полночь тянется, заглатывая год.
Стол кухонный сменил шестую скатерть.
У ног тихонько ляжет старый кот,
И я с гитарой побреду на паперть.

«В полусне, в полупьяном сюжете...»

В полусне, в полупьяном сюжете,
За навешанным мокрым бельём
Я на кухне опять Музу встретил,
Притворённую завтрашним днём.

Всё бесстыжая вилась круг шеи,
Всё шептала наигранно лезть.
Говорила, с похмелья болеет;
Обещала в бутылку не лезть.

А потом, вдруг, прищурилась хитро,
Сигарету из пачки взяла,
И напонила, всё ж таки, выдра,
Всю тоску, что она мне дала!

И хотел я прогнать эту стерву:
За волосья за дверь выгнать вон.
Но сказала она: «Ты не первый.
Был и Пушкин, и Блок, и Байрон.

Все хотели и высечь, и выгнать.
После пили, просили, – вернись!»
Музе я улыбнулся наивно,
Закусил и сказал: «Отвяжись!»

ПАДШИЙ

Прах на голову. В тряпье одевшись,
Уйду в безумный монастырь.
Мой Дух усталый, обгоревший,
Былой когда-то богатырь,

Давно уж слабостью отравлен.
Он спрятал пыл свой в липком сне,
Он сам собою был оставлен
В тоскливо выпитом вине.

Глядясь в колодезь суетливый
С той, изначальной высоты,
Он, вероломно не счастливый,
Желал испить гнилой воды.

Его прельщали звуки стонов,
Манила вниз чужая грязь.
Он тихо слез с родного трона
И начал падать, не стыдясь.

Он падал долго, отрешённо,
Закрыв глаза салфеткой грёз.
И пал, паденьем восхищённый,
Не чуя боли, крови, слёз.

Он начал видеть зло и голод,
Безумство плоти, низость душ.
Но грел его в начале холод
И веселила брани чушь.

Он понял, что такое больно,
Любовь и ненависть познал.
В пути встречал смертей довольно,
Довольно часто он страдал.

Глаза его тускнели взором,
Война разбила руки в кровь.
Он стал слепым убийцей, вором,
Христа рапавший вновь и вновь!

Но годы шли своим этапом.
Тоска и совесть жгли его.
Он становился слишком слабым,
И вспомнил Бога своего.

И подняв взгляд к родной выси,
Он слабо замахал крылом,
Что б оторваться от земли
И полететь в далёкий дом.

Но вдруг... напрасные старанья!
И запоздало пришёл страх.
Он, словно агнец на закланье,
С бессильным скрежетом в зубах

Свалился на бок, чертыхнулся.
И понял: крылья тяжелы,
Он с ними в омут окунулся,
Он ими чествовал столы!

А грязь, меж тем, его сосала,
В трясину липкую влекла,
Гнала и в угол загоняла,
Былую силу отняла.

И не подняться больше Духу
С колен, избегнув эшафот.
К мольбам его и небо глухо,
И грех его пожал свой плод.

Отныне он – обычный житель
Болотных чувств и горьких дум;
Обычный воин в дикой свите,
Забытой Господом в аду.

Но Дух искал домой дорогу
В игре вина, в безликих снах.
И обманулся, понемногу
Сошёл с ума. Теперь – монах.

Глодали ветры и пороки
Его распятую судьбу.
Болоту отдавал все соки,
Уж представлял себя в гробу...

Но и сейчас ещё ютится

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.